

Душа – добрый рыцарь

Сегодня Григорию Соломоновичу исполняется сто один год. Но что значат даты и цифры по сравнению с вечностью, с «вечным теперь»?

В своей духовной автобиографии Померанц описал, как ему удалось на войне победить страх. Он сопоставил два опыта: ужас перед бесконечностью космической бездны с ужасом перед «хенкелями», которые несли смерть на своих крыльях. Оба ужаса стоили друг друга. Страх перед бесконечностью линейного пространства оказался не менее сильным, чем страх перед тремя аршинами земли. Вероятно, поэтому впоследствии Померанц так опасался прямолинейности и «одноточных теорий».

Справившись с первым страхом, метафизическим, одолел Померанц и второй страх – животный. Всей своей жизнью он утверждал: по сравнению с бездонностью души, с безграничностью Бога физическая бесконечность как и сама смерть ничего не значат. Но нужно открыть в себе эту бездонность.

И может быть, как свет во тьме сквозя, —
Нащупать то, что потерять нельзя.
Дай Бог, чтоб в опустенья страшный час
Открылась бездна внутренняя в нас!
Нам остается только лишь одно:
Распахнутое в глубину окно.

Однако страх страху рознь. Вот как об этом пишет Григорий Соломонович: «Совершенная любовь не просто изгоняет страх; она его изгоняет - и сохраняет: как совесть, как опасение обидеть, причинить зло. И в самом полете над бездной остается трепет страха, ставший упоением и восторгом».

О призыве к свободе от мелких земных страхов и вообще от сугубо земных страхов, вот о чем хотелось бы поговорить сегодня.

Духовно взрослея, мы приближаемся к своему истинному состоянию. А это значит, что мы почти научились отличать реальное от нереального. Мы уже не примем веревку за змею. Теперь мы знаем, что нас в качестве отколотой от Жизни части нет. Зинаида Александровна так об этом скажет:

И вот уже зазор исчез.
Никто нас разделить не смог.
Не я и мир, не я и лес,
А всё соединивший Бог.

Да, мы знаем, что не разделены с миром, с Богом, с самими собой, однако, в какой-то момент ум спохватывается. «Твое учение прекрасно, учитель, - кивает ум. - Оно универсально. Меня как осколка не существует... И, все-таки, а как насчет меня?» Индийский мудрец Пападжи остроумно заметил: «Подразумеваемый смысл любого вопроса: «Как насчет МЕНЯ?..» Но никогда никакого «я» не было и быть не может». Конечно, сразу согласиться с подобным трудно. К тому же, это противоречит здравому смыслу. Словом, тот, за кого я себя принимаю, никак не может смириться с тем, что его не существует...

Дзенскому учителю принадлежит следующее изречение: «Нет ничего легче, чем смешать мудрость мудреца с его доктриной». Доктрина ясна, путь указан – иди, но как идти мудрец не объясняет. Большая часть айсберга остается под водой. «Высказать истину «в лоб» нельзя, можно только намекнуть на нее». Дзен – это искусство намека.

Возможно, поэтому Померанцу оказался столь близок дальневосточный подход. Или как выразился Венечка Ерофеев в записных книжках: «Есть два взгляда на вещи – точный и восточный».

В 1968-ом Григорий Соломонович готовился к защите диссертации, которая называлась: «Некоторые течения восточного религиозного нигилизма».

Но выйти на защиту не дали: Померанц заступился за узников совести. Страна, в которой он собирался защищаться, знала и куда нужно идти, и как. Высказывание «в лоб» из аргумента быстро превращалось в способ расправы. Это была вторая по счету зарубленная квалификационная работа. Первая диссертация посвящалась творчеству Достоевского. На ней был поставлен крест в 1949-ом: «уничтожена как материл не относящийся к делу»...

Летним вечером я стоял на станции Канаши и уплетал малину. И вдруг до меня долетела случайная фраза. Отец сказал своему малышу: «Боишься того, чего нет». Мужчина этот даже не понял, что он сказал. Но понял я, потому что эта фраза была для моих ушей.

Если ты боишься, значит имеешь дело с тем, чего нет. Боишься умереть, но смерти нет. Ты - бессмертная душа. Боишься болезни, бедности, одиночества, страдания? Но все это лишь призраки твоего ума, как призрачен и сам вечно беспокоящийся ум. В Источнике Жизни нет того, чего ты боишься. В Источнике Жизни есть только Источник Жизни. И в нем тонет всё. Боишься старости, но она существует только в твоём воображении. Реальное угасание жизненных сил, происходящее здесь и сейчас, не воображаемое, а реальное, всегда приходит от Бога и переживается вместе с Богом. Но когда мы чего-то боимся, представляя, что с нами будет это или то, мы обгоняем Бога, мы обгоняем «медлящих проводников в вечность». Вместо старости к Померанцу пришла слава, а он ждал мучений. Пришли и мучения, перед смертью ослеп, но когда Зинаида Александровна зажигала елку, он продолжал видеть свет. Это был свет того царства, которое не от мира сего.

Американский учитель Адвайты Роберт Адамс сказал: «Станьте скромными и отпустите страх». Я понимаю, если бы гуру призывал к мужеству. Но при чем тут скромность? И тем не менее Адамс тысячу раз прав.

Мы слишком серьезно относимся к самим себе, а, точнее, к тому уязвимому образу, который создали в голове. Образ этот на языке индийской философии называется – эго. Будучи в лагере, Померанц вырвал из себя эго, как здоровый зуб. Это не значит, что Григорий Соломонович перестал откликаться на свое имя.

Он не утратил индивидуальности, у него не возникло проблем с собственной идентичностью, как это бывает при психических расстройствах. Он просто научился видеть себя со стороны. Его ум перестал сражаться и доказывать свое превосходство. Всю свою силу ум потратил на то, чтобы слиться со Вселенским Сознанием. Что это значит? Да это и значит угадывать волю Божью. Именно так поступает развитый ум. Один из буберовских хасидов сказал, что человек достигает своего полного роста, когда становится истинно смиренным. Смирение, скромность напрямую связаны с полнотой. Однако мы призваны сделать еще один шаг - шаг в безмерность, в нашу истинную полноту. Вот как об этом напишет Миркина:

Да, есть земля и россыпь звёзд.
Есть я и Ты - моя вершина.
Когда ж войду в свой полный рост,
Двоих не станет - мы едины.

Пребывая в таком единстве, душа забывает о земном страхе. О чем тебе беспокоиться, если ты в руке Божьей? Волна не существует отдельно от Океана. Но если волна заявляет о своей обособленности, она ведет себя нескромно. И тогда ей страшно. Ведь ее теснят другие волны, более сильные. Будь она скромнее, ей не пришлось бы страдать от безудержной ярости других волн или от их скрытой враждебности. Вот что значат слова «Станьте скромными и отпустите страх».

Полностью избежать страданий нельзя. Да это и не нужно. Но мы можем избежать страданий связанных с дремучестью наших представлений о жизни. Мы страдаем из-за своего невежества гораздо больше, чем от танца Океана, который нам не желает зла, хотя и нещадно треплет нас.

Быть мудрым. Что это значит? Отказаться от ума? Ни в коем случае! Это значит развернуть ум и направить взгляд ума в сторону его же Источника. Когда ум становится слугой, он совершенно незаменим. Но когда он претендует на роль

хозяина, он не скромн, и расплатой за самонадеянность становится страх. Лучше всего с обыденной работой ум справляется тогда, когда не поднимает вопросов, связанных со смыслом жизни. Эти вопросы должно ставить наше истинное «Я». И ему это вполне по силам при хорошем слуге. Когда ум – слуга, то страха нет. Есть только разумные и необходимые действия, которые Лао-цзы уподобляет *недеянию*. Согласно китайской традиции, как замечает Владимир Малявин, правильное действие «воспринимается как недействие, ведь оно есть только то, чего нельзя не делать, и никак не выделяется из целостного потока жизни». Иногда думают, что недеяние есть полное бездействие. Это не так. «Недеяние, - как выразилась однажды Зинаида Александровна, - означает только одно – не заслонять собою Бога, позволить действовать Богу».

Что делаю? Да ничего,
Впиваю Бога моего.
Пью этот световой настой,
Вдыхаю сердцем Дух святой.

В канун 2018 года в Магнитогорске произошла страшная трагедия. Рухнул подъезд жилого дома. Младенец Ваня пролежал под обломками тридцать пять часов, а мороз был нешуточный. Но Ваня выжил. Медикам даже удалось сохранить ребенку обмороженную ногу. Чудо? Конечно. Но чуду нужно помогать. Едва ли кто-нибудь из нас сумел бы не потерять самообладания и дожидаться помощи. А младенец смог. Его ум, этот превосходный слуга, о Ване позаботился. Ум не ставил вопросов: «Что теперь будет?», «За что мне это?» «Почему это случилось со мной?» «Есть ли на свете Бог, если он допустил такое?» Ум занимался вопросами жизнеобеспечения – правильно распределял энергию, не тратя ее на пустые сетования. И Ваня ничего не боялся. Он еще не знает, что он у себя есть. Ему еще не сообщили об этом. Ему еще не сказали: «Ты должен быть счастлив», запуская тем самым механизм *не счастья*. Вот поэтому младенец не сомневается, что его найдут, спасут. Он доверяет своим родителям,

как Господу Богу. А мысли? Нельзя назвать это мыслью, но глубинным опытом души назвать можно. И вот что этот опыт говорил Ване: «Наверное, когда рождаешься, тебя заваливает кирпичами и плитами. Это нормально. Через это все проходят. Такая у них планета. Но сила, которая меня привела в этот мир, знает, что делает. Я в полной безопасности».

Разве не так чувствует себя волна, погребенная под другими волнами, когда забывает о себе, и твердо знает лишь одно: она – Океан.

«С младенцем все понятно, - скажут мне. - А как насчет нас? Как насчет меня? Я-то уже не младенец. И я не хочу лежать под кирпичами и делать вид, что все хорошо. Да и страна, в которой я живу, могла бы стать лучше». Все это так. Только не стоит путать кесарево с Божьим. Когда Иисуса спросили, нужно ли поддерживать власть кесаря, Он не стал играть на ситуации – мы все лежим под кирпичами. Он призвал к революции гораздо более радикальной, к «единственной революции» по выражению Кришнамурти – к «духовному преображению». Отвечая на вопрос нужно ли платить подать земному владыке, Христос без лишней назидательности напомнил о том, как Бог нуждается в нас, как мы нуждаемся в Боге: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:17).

Мне врезался в память эпизод из «Севастопольских рассказов» Л. Толстого. Лазарет забит ампутационными больными. Чувствительный офицер подходит к покалеченному солдату.

« – Как же ты это был ранен?

– На 5-м баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет.

– Неужели больно не было в эту первую минуту?

– Ничего; только как горячим чем меня пхнули в ногу.

– Ну, а потом?

– И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, не думать много: как не думаешь, оно тебе и ничего. Всё больше оттого, что думает человек».

Я пересказал госпитальный эпизод своим студентам, и один из них снисходительно улыбнулся: «Ну понятно, это же простой мужик. Он не умеет рефлексировать». Мужик, согласен, простой, но видимая простота не мешает ему быть мудрым. Мудрец - это не тот, кто много думает или кому нравится думать, а тот, кто умеет остановить мысль. Как тут не вспомнить молитву Григория Соломоновича: «Господи, останови мои мысли! Пересеки их Своим замыслом обо мне».

Я не принимал участия в боевых действиях, Бог миловал, но я отслужил два года в армии. Командиром зенитного орудия был не только на бумаге. Мы выезжали в июльские поля, стреляли по конусу. Конусом называется матерчатый рукав, прикрепленный тросом к самолету. Но прежде, чем вести точечный огонь, учились отсекал педалью разрывные снаряды. После такой дурной пальбы ковыль за фартуком орудий горел. Тогда мы выстраивались в цепь и шли или ехали тушить степной пожар. Орудовали саперными лопатками. Когда находили в хрустевшей тлеющей траве неразорвавшийся снаряд, втыкали флажок и окапывали место. Никто из нас не собирался умирать. Было весело и хотелось пить. Но бывали ситуации и посерьезней. Однажды во время стрельбы по конусу снаряд встал на перекосяк. Подогнали тягач, тросом вырвали затвор. Он с грохотом рухнул на платформу вместе со снарядом, лоснившимся на солнце. Так развлекалось мое поколение, которое не нюхало пороха. Если, конечно, судьба не забрасывала кого-нибудь в Афганистан...

Мы в очередь дежурили у постели Григория Соломоновича. Он уже почти не поднимался. Я не помню, чтобы мы с ним специально говорили о чем-то важном. Все было важно. Как он смотрит, поправляет одело. Когда я рассказывал ему о том, как мы разворачивали батарею в степи, его лицо молодело. И тут требовалась полная обстоятельность в описании. Как звали нашего майора, твердали земля в июле, встречал ли я рассвет в степи? Культурологических тем касались редко. Очень интересно, как человек ведет себя в степи. Я понял это, когда он меня слушал.

Откуда вообще берется страх? Из какой пещеры он приходит?

Единственным поставщиком страха является ум, предоставленный самому себе. Если, символически выражаясь, наш ум не колет дрова, не таскает воду, не метет пол, то он приводит в дом проблемы, приваживает страхи. Ум должен быть занят, но не разгадыванием кроссвордов или компьютерной игрой. Ум приставляется к делу благодаря молитвенному самоуглублению. Хотя кроссворд и игра тоже могут на время упорядочить его движения. Самое опасное для ума – состояние праздности. Потому что в этом состоянии ум клепают мой ложный образ.

Вот только не нужно путать праздность ума со способностью даосов «отпускать» свой ум, предоставляя ему действовать самому по себе. В этом случае с ума снимаются вериги озабоченности.

Страх – это прежде всего отвлечение от главного.

Современный духовный учитель Муджи сказал: «Если со мной что-то происходит, это должно происходить и с Богом, потому что я в руках Божьих, я в сердце Бога, а с Богом ничего не может случиться». Кому же тогда испытывать страх? Страшится только ум, легко допускающий, что Бог далеко, что Бог забыл обо мне, что Бог и Себя-то не смог защитить.

Ум всегда интересуется, что с нами будет? А ведь совершенно неважно, что с нами будет. Главное чтобы мы были там, где с нами будет *это* происходить. То есть, в руке Божьей. В здесь и сейчас, в «вечном теперь».

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо,
И свет вовек бы не сходил с лица.

А кому же надо это самое «другое»? Конечно, нашему уму, который норовит соскользнуть с ладони Божьей. Когда Адам послушал свой праздный ум, тот шепнул ему: «Попробуй новое. Ты все еще думаешь, что боишься причинить Богу боль, но на самом деле ты боишься наказания. Попробуй новое. Испытай

страх именно перед наказанием. И ты увидишь какой силой он обладает. Благодаря не священному, а пещерному страху ты сможешь подчинить себе всю тварь. А сам склонишься только передо мной. Попробуй новое». И Адам попробовал. И вошел во вкус. Забыв о первом вкусе всех вещей, которые он брал с ладони Бога.

«Когда б мы досмотрели до конца...» Но Адам до конца не досмотрел.

Шри Рамана Махарши сравнил наш ум с хоботом слона. Хобот беспрестанно раскачивается, исследуя один предмет за другим, и ни на чем не может остановиться. Поэтому к хоботу приторачивают цепь, и подергиванием цепи приучают слона носить бревно, служить людям. В духовном смысле это подергивание является напоминанием о том, кто я есть на самом деле. Я - не хобот, я – служение. Мне жалко слона, но сама по себе метафора превосходна.

Отвечая на вопрос: «Кто я?», Зинаида Александровна сначала обращается к Творцу Вселенной.

***

Ты Тот, Кого нельзя разрушить.

Ты – жизни вечная волна.

Ты – Тот, Кто наполняет душу.

И вот, душа моя полна.

В ней все закаты и рассветы,

Струя из звёздного ковша.

Так кто же я сама? – Вот это

– То, чем полна моя душа.

Я - то, чем полна моя душа, не знающая страха, а не то, что мне предлагает ум в качестве созданного им образа некоего *меня*. Ведь именно этот образ, постоянно задает вопрос: «А как насчет меня?» Екатерина Сиенская, пишет Померанц в «Утенке», сказала: «Я та, которой нет, Ты тот, который есть». Все то, к чему прикасается ум, забывший о том, что он должен колоть дрова и носить

воду, просто обязано испытывать страх исчезновения, и страх не напрасный. Все эти грезы и самозванные представления о самом себе очень быстро исчезнут.

Вернемся к фронтовым воспоминаниям Померанца. «Как сладко я спал на снопе соломы, с расстегнутой кобурой и рукой, сползшей с рукоятки нагана! Никогда не спалось так хорошо в штабе батальона, там все время прислушиваешься к выстрелам: ночная атака? Разведка боем? А здесь передний край, за спиной автоматчики - и никакого страха. Больше того, одна из самых счастливых ночей в жизни».

Или в другом месте «Записок»: «В белых маскировочных костюмах мои товарищи двигались, как призраки, тускло освещенные луной. (...). Поле казалось пустынным, а трассирующие пули - роем светляков, перенесенных волшебником из лета в зиму. Никакого страха. Только восторг перед красотой».

Неудивительно, что именно Померанцу принадлежит сравнение жизни со скрипящей пластинкой, только одни слышат лишь скрип, а другие – музыку. Он выбрал – музыку. И – полет над страхом. «На гребне волны мне хотелось большей опасности, большего замиранья сердца - и радости выхода за страх...».

В лагере Померанц не побоялся осадить ссученного бандита, который мог его убить табуреткой. Бандит был начальником карантина и позволил себе выматериться. А в 1965-ом Григорий Соломонович сделал антисталинский доклад в Институте философии, за который едва не поплатился головой. Над нею снова была занесена табуретка, на этот раз идеологическая, но не менее увесистая. Доклад назывался «Нравственный облик исторической личности». Бывший фронтовик требовал вежливости от вора и человечности от диктатора. Сегодняшние букеты на могиле отца народов и очередь из людей всех возрастов, несущих душегубу цветы, симптом тяжелой болезни общества. Но речь даже не о них, а о тех, кто никогда не встанет в эту очередь, но будет тайно симпатизировать ордынскому духу, который наложил глубокий отпечаток на нашу политическую культуру и на нашего человека. Нам хочется величия, порядка и процветания, но готовы ли мы бросить свою жизнь под колеса этого величия, чтобы государственная машина не забуксовала на крутом подъеме? Возможно, и найдутся

подобные энтузиасты. Они скажут: «Да, я готов. И пора уже показать всему миру, кто мы такие!» Но это будет означать лишь одно, что ты перепутал кесаря с Богом. Одной твоей жизни тут не хватит - под колеса лягут миллионы.

Позволю себе привести небольшой пассаж из дискуссионного выступления Померанца в Институте философии. В нем Григорий Соломонович сравнивает две исторических личности - Ашоку и Цинь Ши Хуана. Стиль выступления хлесток и задирист, но акценты расставлены филигранно.

«Итак, оба императора были утопистами. Ашока - потому, что видел в человеке только духовное существо, а Цинь Ши Хуан потому, что видел в человеке машину, которую можно программировать с помощью наград и казней. Первую утопию в рамках предложенной схемы надо, по-видимому, назвать реакционной, а вторую — прогрессивной, потому что Ашока опирался на религию (как известно, всегда и везде реакционную силу), а Цинь Ши Хуан - на передовую научную теорию.

Но вот оба они умерли, истлели, и осталось от Цинь Ши Хуана Великая китайская стена, а от Ашоки - надписи, выбитые на скалах: «Я, царь Ашока, завоевал царство Калингу, и убедился, что для этого надо было убить 100000 человек, и сердце мое содрогнулось».

Я не утверждаю, что не надо строить стен, - подытоживал Померанц с высокой трибуны. - Но я утверждаю, и совершенно серьезно, что память о сокрушенном сердце Ашоки - такая вещь, без которой ни один народ не может прожить».

Однако империи, раскинувшейся между двумя океанами, для величия не нужна память о сокрушенном сердце властелина. Зато она нужна нам, каждому из нас. Следует заметить, что с самого себя Померанц спрашивал гораздо больше, чем с Ши Хуана и Сталина вместе взятых.

Нельзя сказать, что в 90-ые российское общество было здоровым. Преступно идеализировать и советский период отечественной истории. Не потому ли Померанц постепенно отказался от идеи изменить мир. Он, словно бы замер у распахнутого в глубину окна, и уже не отрывал взгляда от всеобъемлющей бездны.

Сколько не повторяй слова Серафима Саровского, а, лишними они не будут: «Радость моя! Стяжи себе мирный дух и тысячи вокруг тебя спасутся».

Померанц стяжатель мирного духа. Своих политических и духовных оппонентов он не превращал в личных врагов. Он не сводил с ними личных счетов. Потому что у него не было *этого* счета. Он лишь хотел придать диалогу такую глубину, на которой амбициозные доктрины теряют свою силу. Он выводил на передний план живого человека с его уникальным опытом, а не систему верований или убеждений. Он подавал руку идеям, какие-то из них развивал, и делал шаг назад, когда идея превращалась в идеологию. Он мог поднять солдат в атаку, полетев над страхом, но никогда не шел против собственной совести из страха разминуться с самим собой, то есть из Божьего страха.

Страх Божий – это тайный трепет
Души пред собственную бездну.

Померанц стал щитом для Миркиной, позволил ей развернуть крылья, а она вдохнула в его веру новую жизнь. Она привела его одним ей известным путем в царство молчащих и внимающих.

Он остается с нами. Вопрос лишь в том не покинем ли мы его? Из малодушия или по рассеянности. Вопрос лишь в том, хватит ли у нас мужества и внутреннего такта сохранять присутствие духа в ситуациях крайне обыденных, из которых и состоит жизнь.

Если бы урок, который нам преподали Померанц и Миркина, можно было выразить в нескольких словах, то они были бы такими.

Пока Бог мыслится отдельным от нас, мы обречены на инфантильное страдание. Мы покинуты. Мы брошены на произвол судьбы. И наше страдание бессмысленно. И тогда страдание развращает нас. Мы становимся жесткими и сухими. Мы во всем видим повод для отчаяния и тоски. И тогда мы как-то преувеличенно смеемся и устраиваем шумные пиры. И мы не хотим ничего знать о страдании, потому что являемся его безблагодатным источником. Мы утверждаем,

что Бог забыл о нас. Мы становимся отсеченной виноградной лозой. Бог – где-то там, а мы – здесь. Ему нет дела до нас, а нам нет дела до Него. Ничего страшнее этого быть не может. И такому страданию нет конца. Это и есть адские муки.

Но если осознать, что Бог не отделен от нас, что Он в каждом страдающем существе, то безблагодное страдание прекратится. Боль останется, но исчезнет самоистязание и саможаление. И восстановится связь с Источником Жизни. Чувство нашей замкнутости на самих себе делает нас глубоко несчастными вечными подростками. Мы казним друг друга и не менее жестоко расправляемся сами с собой.

Страдание очищает и делает сильнее, если на его огне сгорает чувство отдельности от Бога, если сгорает и превращается в пепел наше эго. Вот в чем смысл страдания. И страдание необходимо, чтобы сгорело эго. Только тогда открывается дар сочувствия и сострадания. По-настоящему сочувствуешь только тогда, когда знаешь, что такое глубокая тихая радость. А иначе ты лишь усилишь отчаяние того, кому хочешь помочь.

Где же живет эта великая бескорыстная радость? Где ее источник? Мы - ее источник. Наше глубокое сердце ее источник. В глубоком сердце нет отдельного от нас Бога. Глубокое сердце – это целое сердце. В нем нет трещины. Оно звучит и гудит, как колокол. Оно становится источником жизни и дарует жизнь. Для глубокого сердца нет чужой боли, оно всеобъемлющее. Боль мира не только разрывает сердце, боль мира врачуется сердцем.

Наше глубокое сердце, наша истинная природа – вот источник нерушимого покоя и радости. И там, на глубине глубин нет ничего, что бы заставило нас эгоистически страдать. На глубине глубин Бог. На глубине глубин находится то, что есть. А то, что есть несовместимо с тем, что разрушает нас. И вот здесь встает вопрос - как отличить то, что есть, от того чего нет?

Нет меня как отдельного существа, как обособленной личности. Есть Бог как Тот, Кто соединяет нас всех. Нет волны, которая думает, что она поднимается и движется сама. Подобное существование иллюзорно. И такая волна будет страдать.

Но есть Бездна, в недрах которой зарождается волна и есть осознание того, что мы и есть эта Бездна.

Когда мы страдаем вместе с Богом, мы забываем о себе, о своем эго, о ложном образе самих себя. Мейстер Экхарт сказал, что добрый рыцарь не жалуется на свои раны, когда он созерцает короля, который ранен вместе с ним.

Наша подростковая вечно бунтующая душа должна повзрослеть и стать добрым рыцарем.

13 марта, 2019